

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

НАТУРАЛИЗАЦИЯ, РЕЛАЙБЕЛИЗМ И А PRIORI *

Цель работы – проиллюстрировать связь между релейбелистской интерпретацией натуралистического поворота и тезисом о необходимости отрицания априорного характера Первой Философии (У. Куайн). Основная проблема – проблема эпистемологического статуса ключевых элементов заданной натурализованной концепции, таких как основание натурализации и логический аппарат. В качестве отправной точки для критики априорной трактовки основания натурализации и логики рассматривается релейбелизм Дж. Рэя.

Ключевые слова: натуралистический поворот, релейбелизм, а priori, М. Девитт, Дж. Рэй, У. Куайн.

Если исходным пунктом проекта натурализованной интерпретации философии считать натурализм У. Куайна, то этому проекту уже порядка сорока лет. Однако в силу того, что само понятие «натурализм» довольно многозначно, задачу уточнения концептуальных оснований проекта все еще можно считать актуальной. В связи с тем, что философия предоставляет много оснований для построения концептуальных схем и еще больше – для их уточнения, не лишним будет каждый раз вспомнить – какую именно часть аргументации мы хотим затронуть в этот раз. Один из наиболее тонких моментов содержания натуралистической перспективы – тезис о необходимости отрицания априорного характера Первой Философии (см.: [Kitcher, 1992]). Еще более тонкий момент – связь этого тезиса и релейбелизма. Релейбелизм можно трактовать как попытку связать обоснование истинности убеждения с заданным достоверным процессом получения убеждений. Таким образом, если представить себе релейбелистскую трактовку натуралистиче-

ской перспективы, то мы вынужденно согласимся с тем, что такая трактовка будет содержать внешний элемент – достоверный процесс получения убеждений, который мы вполне можем интерпретировать как «априорный» в силу того, что подтверждение его достоверности может не быть связано с содержанием процедуры натурализации. В центре внимания работы – проблема эпистемологического статуса «априорных» элементов натурализованной концепции, которые может принести с собой релейбелистская трактовка натуралистической перспективы. С одной стороны – проблема статуса достоверного способа формирования убеждений, выбор которого является внешним для данной натурализованной концепции. С другой – вопрос, непосредственно затрагивающий дискуссию более общего характера, – проблема априорного статуса логики и возможности эмпирической ревизии любой совокупности правил вывода.

Будет показано, что в рамках холистической парадигмы обоснования убеждений, возможности эмпирической модели обосно-

* Статья представляет собой попытку содержательно ответить на ряд комментариев, поступивших на нашу последнюю статью [Головко, 2010]. Статья также продолжает цикл работ, посвященный, в широком смысле, обзору представлений о сути натуралистического поворота и содержании натуралистической философии.

вания шире, чем рационалистической. В частности, возможность выдвижения внешнего по отношению к основному способу получения истинных убеждений средства контроля обоснованности убеждений позволяет говорить, что в рамках релейбелистской трактовки натуралистической перспективы противопоставление рационалистической (подчеркивающий априорный характер обоснования, например, убеждений, полученных дедуктивно) и эмпирической моделей обоснования убеждений не имеет смысла.

Предварительные замечания

Натуралистический поворот можно рассматривать как одно из направлений, подчеркивающее значимость релейбелизма. В общем случае, релейбелизм утверждает, что обоснованность убеждения должна каким-то образом зависеть от способа, которым убеждение было получено [Goldman, 1992]. Мы должны зафиксировать подходящие условия, при которых процесс, формирующий убеждения, действительно приводит к обоснованным истинным убеждениям. На наш взгляд, один из основных тезисов натуралистического поворота, который говорит о том, что знание может быть обосновано только с помощью опыта, понимаемого в позитивном смысле как составляющей научного метода получения знания, можно считать хорошим условием, дополняющим релейбелистскую концепцию обоснования знания. Предполагается, что собственно релейбелистская трактовка натуралистической перспективы поможет, во-первых, разобраться с критикой релейбелизма, в частности с проблемой необходимости и достаточности достоверного метода обоснования знания (Р. Фелдман, Л. Бонжур), а во-вторых, наглядно проинтерпретировать тезис М. Девицта о том, что мы должны «поставить метафизику вперед» и двигаться от «эмпирической онтологии к эмпирическим эпистемологии или семантике, а не наоборот» (см., например: [Devitt, 1997]).

Любая философская доктрина, достигшая определенной степени строгости, будет выделять онтологический и эпистемологический тезисы. Поскольку основной объект нашего анализа – реализм, то, следуя принятой интерпретации (У. Селларс, А. Гудмен, М. Девицт), мы будем формально представ-

лять онтологический тезис в виде двух: тезиса существования, который, например, говорит о наличии объектов, доступных непосредственному наблюдению, обыденных объектов здравого смысла (дерево) или о наличии ненаблюдаемых объектов, постулируемых научными теориями (кварк); тезиса независимости, который говорит, что объекты, принимаемые во внимание на уровне тезиса существования, существуют независимо от нашего сознания. Поскольку основная область нашего анализа – натуралистический поворот, то эпистемологический тезис, в данном случае, это натурализм У. Куайна, утверждающий, что не существует другого метода, кроме научного. Наше понимание релейбелистской трактовки натуралистической перспективы включает в себя, во-первых, представление о том, что основание натурализации – заранее выбранный основной процесс или способ получения знания, – задает объекты, являющиеся предметом тезиса существования (см., например: [Головко, 2010]); во-вторых, что роль эпистемологического тезиса, помимо прочего, заключается в том, чтобы контролировать неслучайность получаемого знания.

Со времен Платона неслучайность (unaccidentality) – одна из главных характеристик, присущих знанию и отличающих его от истинного убеждения (см., например: [Chisholm, 1966]). В свое время релейбелизм подвергся серьезной критике в плане обоснования того, что достоверность, рассматриваемого процесса получения знания может являться необходимым и достаточным условием его обоснования (см., например: [Feldman, 1985]). Однако в данном случае, говоря, что натуралистическая перспектива является релейбелизмом определенного вида, мы фиксируем «абсолютный» характер убеждений, полученных основным процессом. Подобный «абсолютный» характер основного процесса получения истинных убеждений дает возможность конструктивно проинтерпретировать в натуралистической перспективе как природу онтологического, эпистемологического и других тезисов, так и их соотношения. Именно так интерпретируется тезис первичности метафизики М. Девицта. Учитывая «абсолютный» характер основания натурализации, мы говорим, что онтологический тезис, в том числе, фиксирующий онтологические допущения,

в рамках натурализованной метафизики более обоснован, чем эпистемологический и другие тезисы. Именно так, сначала у нас есть сущности (электроны, феи и т. д.), полученные достоверным методом, а затем мы эмпирически убеждаемся в том, как выполняются эпистемологическая и другие части доктрины. Именно в этом смысле мы говорим, что натурализованная форма реализма свободна от традиционного опровержения реализма, следующего за «априорным заданием эпистемологической части доктрины»¹, – мы рассуждаем от «эмпирически» полученной онтологии к эмпирической эпистемологии. «Априорность задания эпистемологической части» означает, что была попытка воспользоваться эпистемологическим тезисом прежде, чем мы приняли во внимание основание натурализации². В то же время роль эпистемологического тезиса заключается в том, чтобы контролировать неслучайность знания, полученного заданным достоверным процессом. Тем, кто все еще склонен усматривать логический круг в том, что касается соотношения основания натурализации и эпистемологического тезиса, можно отметить, что формально они независимы. Эпистемологическая часть док-

¹ Один из наиболее распространенных аргументов против реализма является следствием признания непреодолимой пропасти между чувственным и рациональным. Однако неизбежность опровержения реализма – это лишь следствие того, что мы заранее полагаем, что рассуждения о пропасти первичны по отношению к объектам, населяющим мир.

² В более широком контексте это также может означать, что эпистемологическая часть доктрины не имеет надлежащей натурализованной трактовки. Отметим, что все приводимые рассуждения относительно основания натурализации и эпистемологического тезиса можно существенно расширить, если предположить, что мы вовсе не обязаны рассматривать натурализацию только как процедуру интерпретации классических постановок философских проблем на основании анализа «материала естественных наук» (У. Куайн, Ф. Китчер и др.). Теоретически, учитывая абсолютный характер Первой Философии, мы можем рассматривать натурализованные концепции, которые различаются по основанию натурализации, причем как по характеристикам достоверного процесса – философия и теология (внимание к иррациональным объектам), так и по предметной области – философия образования и философия музыки угольных копий. Можем рассматривать натурализованные концепции, имеющие одно основание, но разные тезисы: научный метод как основание, а семантический приоритет (объект существует, если описывающая его теория истинна) или социальный конструктивизм (электроны и вирусы – это объекты, которые видят только ученые) как тезисы.

трины подчиняется своим целям и существует независимо от онтологической.

К чему может привести «априорность задания эпистемологического тезиса», мы уже демонстрировали [Головко, 2007а; 2007б; 2009; 2010]. Ниже мы рассмотрим еще один важный вопрос, касающийся соотношения основания натурализации и эпистемологического тезиса. Если мы разводим основание и тезис, и при этом основание считается абсолютно достоверным, а вопрос о его выборе является внешним, то почему нельзя считать основание априорным элементом? Что такое априорное знание с точки зрения натуралистического поворота? Особый интерес в данном случае вызывает дискуссия об априорном характере логики³. Если нам удастся показать, что даже обоснование результатов работы дедуктивной системы логического вывода, в каком-то смысле, можно считать эмпирическим, то обоснование любого другого основания натурализации также будет иметь эмпирический характер, поскольку это основание по определению является менее строгой системой вывода. Подобная задача по своему масштабу выходит за рамки данной статьи. Однако мы можем воспользоваться абдуктивным аргументом, демонстрирующим, что эмпиризм в данном случае является лучшим обоснованием знания, чем его априорное обоснование. В общем случае, абдукция – это разновидность недедуктивного вывода, которую можно трактовать как вывод к лучшему объяснению, когда предполагается, что данное объяснение имеет больше достоинств, чем другое. Одно из преимуществ эмпирического способа обоснования убеждений в рамках релейбелистской трактовки натуралистической перспективы мы уже привели – у нас есть внешнее по отношению к основному процессу получения истинных убеждений дополнительное средство обоснования истинных убеждений. Ниже постараемся привести еще ряд примеров, показывающих, что при прочих равных условиях, в рамках данной перспективы, говорить о дихотомии рациональный – эмпирический способы обоснования истинных убеждений не имеет смысла, а значит, мы действительно сможем сказать, что, по крайней мере, абдуктивно указали на возможность эмпи-

³ В данном случае логика нам интересна именно как образец системы вывода априорного знания.

рического обоснования любой совокупности правил вывода.

Релейбелизм и a priori

Дж. Рэй приводит оригинальную концепцию релейбелизма, сочетающую в себе традиционное представление об априорном характере логики и возможности получения обоснованных эмпирических убеждений (см., например: [Rey, 1998]). Показательно, что априорный характер логики обосновывается в силу того, что ее достоверность «полностью не зависит от того, какими эмпирическими данными мы располагаем» [Rey, 1998. Р. 34], т. е. ее обоснование не требует опыта. В данном случае фиксируется, что дедуктивный характер правил логического вывода по своей природе существенно отличается от ампликативного характера правил вывода, формирующих эмпирические убеждения.

Рассмотрим эмпирическое убеждение «Сократ смертен» (1).

Предположим, что мы знаем, что Сократ – человек. Предположим также, что (1) – это результат «работы» определенной системы вывода, для которой «Сократ – человек» – посылка, и для которой справедливо, что для аргумента «X – человек» результат «работы» системы всегда «X – смертен». По аналогии с тем, как усматривается достоверный характер логики, можно заключить, что (1) – это знание, поскольку правила вывода, которые мы использовали, обоснованы в достаточной степени. Мы воспользовались сохраняющим истину выводом, что приняв «X – человек» как истину, мы всегда получаем истину. Однако, в данном случае, аналогия с сохраняющим истину выводом может быть ошибочной. Нам необходимо показать «эпистемологическую неслучайность» системы и вывода, – легко представить другие системы вывода, которые по «X – человек» будут выводить, например, что «X – богат». Как отмечает А. Голдман, просто «так случилось» [Goldman, 1992. Р. 106], что система, приводящая к «X – смертен», воспринимается нами как достоверная. У нас есть инструмент для получения истинных убеждений, но не каждое истинное убеждение можно считать знанием. По-видимому, кроме фиксации на том, что система сохраняет истину, нам также необходимо показать, например, как эта

система связана с миром, с эмпирическими данными. В этом случае, эмпирические данные относительно системы как раз могут играть роль того, что обосновывает неслучайность ее вывода. Необходимо показать, что система вывода определенным причинным образом связана с тем фактом, что мы живем в мире, в котором «X – человек» дает «X – смертен». Сам по себе факт достоверности вывода на основании того, что вывод сохраняет истину, не является достаточным основанием для того, чтобы считать полученное убеждение знанием. Можно ли обобщить это заключение на систему логического вывода?

Можно, причем достоверность логического вывода в данном случае не является предметом спора. Мы также уверены в достоверности вывода «Сократ смертен». Предметом спора является достаточность достоверности такого рода для заключения о том, что на выходе мы получили знание. В этом смысле обоснование априорного характера логики, подчеркивающее, что «логическая истина является результатом только работы операторов, безотносительно семантических соображений» [Rey, 1998. Р. 35], нельзя считать достаточно убедительным. В то же время, по аналогии с рассуждениями относительно эмпирических убеждений, мы можем предположить, что система логического вывода определенным причинным образом связана с тем фактом, что мы живем в мире, в котором она выполняется, и это будет условием, контролирующим неслучайность убеждений, получаемых с ее помощью.

Нас может смущать необходимый характер логического вывода, как отмечает Дж. Рэй: «Если эмпирическое знание может быть результатом достоверного процесса, приводящего к истинам в определенных обстоятельствах, то априорное знание может быть результатом достоверного процесса, приводящего к истинам в любых обстоятельствах» [Ibid. Р. 34]. Однако, следуя общей идее натуралистического поворота – отрицанию априорного характера Первой Философии (У. Куайн), можно отметить, что, в данном случае, мы имеем дело с различными «метафизическими установками», которые не являются эпистемологически релевантными. С одной стороны, у нас есть факт, что убеждение истинно с необходимостью. С другой – у нас есть утверждение,

что убеждение истинно, а также утверждение, что процесс, с помощью которого мы пришли к этому убеждению, эпистемологически неслучаен. Тот факт, что убеждение истинно, может быть никак не связан с фактом, что процесс, с помощью которого мы пришли к этому убеждению, эпистемологически неслучаен. Рассуждения Дж. Рэя основаны на предположении, что мир жестким образом устроен так, что если бы в нем не выполнялся вывод от «X – человек» к «X – смертен», то и системы вывода, которая бы достоверным образом выводила «X – человек» по «X – смертен», не существовало бы. Соответственно, мир не может быть другим, чем тем, в котором система логического вывода дает именно необходимые истины. С точки зрения натуралистического поворота, эти рассуждения недостаточно обоснованы. Скорее, мы должны говорить о том, что у нас не было бы системы вывода «X – человек» – «X – смертен», если бы у нас не было определенных эмпирических данных в пользу того, что мир устроен именно так. Соответственно, мы не можем сказать, что у нас есть система логического вывода, которая дает необходимые истины, не привлекая эмпирические данные, которые показывают, что мы живем именно в мире, который подчиняется логике. Подчеркивая холистический характер обоснования убеждений, мы будем вынуждены признать, что в данном случае имеет смысл говорить, по крайней мере, о возможности эмпирического обоснования системы логического вывода или о том, что ее рациональное (априорное) обоснование является менее очевидным, связанным с более сильными онтологическими допущениями.

М. Девитт предложил оценить рассуждения Дж. Рэя с еще «более эпистемологических» позиций: заменить рассуждения относительно систем вывода и достоверности на рассуждения относительно систем убеждений и обоснование убеждений (см.: [Devitt, 1998]). Пусть «X – смертен» выводится не из некоторой системы вывода, а из некоторой совокупности общих убеждений, где, в частности, присутствует убеждение «все люди смертны». «X – смертен» будет знанием, только если общее убеждение будет знанием, а значит, нам нужно будет показать, что последнее является знанием. Соответственно, мы будем иметь дело с совокупностью общих логических убеждений,

таких, например, как «правило *modus ponens* выполняется всегда». В любом случае, эпистемологический статус вывода будет зависеть от статуса совокупности общих убеждений. Тот факт, что система вывода или совокупность убеждений регулярно производят истины, еще не является гарантией того, что убеждение получено неслучайно. То, что логическая система вывода по своей природе не зависит от того, какими эмпирическими данными мы располагаем, ничего не говорит об обоснованности ее вывода. Для того чтобы зафиксировать, что данное истинное убеждение является знанием, мы должны продемонстрировать, что система вывода или совокупность общих убеждений, из которых выводится убеждение, являются эпистемологически достоверными. Как уже отмечалось, очевидным преимуществом эмпирического способа обоснования убеждений является прозрачность того, что мы хотим сказать, когда говорим об эпистемологической достоверности, – ее гарантом выступает причинная связь между миром и убеждением.

В целом релейбелизм не обязан подчеркивать исключительный характер рационального (априорного) обоснования системы логического вывода, а также настаивать на том, что логическая достоверность является единственным гарантом достоверности знания. В рамках релейбелистской трактовки натуралистической перспективы собственно релейбелизму отводится лишь часть общей картины получения знания, его роль – производство истинных убеждений. Достоверность истинных убеждений контролируется эпистемологическим тезисом, который обосновывает то, что процесс, с помощью которого мы пришли к данному убеждению, или совокупность общих убеждений, из которых выводится этого убеждение, эпистемологически неслучайны.

Натурализм и *a priori*

Несмотря на приведенные рассуждения, нельзя не признать, что натуралистическая перспектива испытывает определенное неудобство, когда речь заходит об эпистемологическом статусе логики. Мы обосновываем одни убеждения через другие с помощью логики, и само это обоснование зависит от того, как обоснована логическая связь. Те, кто придерживается безусловного

априорного взгляда на логику, например, отмечают, что обоснование логической связи не может быть эмпирическим уже в силу того, что логика нам нужна, чтобы оперировать данными, это инструмент, который с необходимостью участвует в каждом аргументе за или против (К. Райт, Х. Филд и др.). Однако, что можно считать аргументом в пользу того, что данное правило вывода является хорошим?

Действительно, рассуждая об обоснованности дедуктивных правил, например *modus ponens*, может возникнуть желание связать их обоснование с чем-то наподобие рациональной интуиции (К. Пикок), инсайта (Л. Бонжуру) или интеллектуальной способности (Дж. Билер). В то же время большинство правил вывода, с которыми мы имеем дело чаще всего, являются амплиативными, что делает их исключительно рациональное обоснование, по крайней мере, проблематичным. Следуя идеологии натуралистического поворота, мы должны предположить, что каким бы ни было правило, его обоснование должно быть эмпирическим⁴. Если у нас есть некоторая совокупность правил вывода, включающая как дедуктивные, так и амплиативные правила, то достаточно сложно представить, что ее обоснование в целом должно быть строго рациональным. Скорее всего, мы должны говорить о том, что и дедуктивная и амплиативная части должны быть обоснованы одинаково – эмпирически, т. е. способными быть подверженными «ревизии посредством эмпирических данных» (У. Куайн). И в данном случае, с одной стороны, у нас есть метафора «корабль Нейрата», когда мы оцениваем одно правило с точки зрения других, а с другой – постоянный упрек в том, что эмпиристы допускают круг в аргументации, когда говорят, например, что совокупность правил вывода должна содержать правила, которые потенциально могут привести к тому, чтобы заменить эту совокупность на более удобную (успешную, адекватную и т. д.). Рассмотрим пример, который при-

водит М. Девитт, иллюстрируя то, что в данном случае круг относительно правил вывода не является окончательным вердиктом попыткам эмпирического холистического обоснования всей совокупности правил вывода (см., например: [Devitt, 2005]).

Следуя самым общим соображениям, круг относительно посылок и круг относительно правил должны иметь разное эпистемологическое значение (см., например: [Braithwaite, 1953]). Круг относительно посылок действительно плох, поскольку мы пытаемся показать то, что уже заложено в исходные данные. Однако когда мы говорим об обоснованности совокупности правил вывода, то нам следует говорить о круге относительно правил, когда мы пытаемся обосновать заключение, что правила аргументации, которые мы используем, обоснованы. Проблема в том, какие ограничения мы сможем наложить на ситуацию, в которой вынуждены воспользоваться аргументативным кругом относительно правил (П. Богоушен, Д. Папино, С. Псиллос, К. Райт и др.). В контексте противопоставления рационального и эмпирического подходов к обоснованию правил вывода, требование наличия внешних ограничений, контролирующей достоверность правил вывода, очевидно, свидетельствует в пользу эмпирического способа обоснования.

Отметим, что круг относительно правил является необходимой частью не только эмпирической стратегии обоснования совокупности правил вывода, но и рационалистической (априорной). Следуя, например, Л. Бонжуру, наши убеждения формируются на основании некоторой априорной интуиции, процесса, который «аналогичен естественному процессу формирования убеждений на основании ощущений ... априорное обоснование является результатом того, что сознание непосредственно схватывает необходимый факт относительно природы реальности» [BonJour, 1998. P. 15–16]. Как отмечает М. Девитт, эта аналогия достаточно очевидна, и тот и другой процесс, в определенном смысле, не являются выводами. И тот и другой можно представить как непосредственный вывод убеждения *P* на основании наличия интеллектуальной интуиции (перцептуального опыта), что *P*. Таким образом, если этот вывод является частью совокупности выводов, то обоснование этой совокупности будет также его использовать,

⁴ Для натуралистической перспективы в целом характерна такая интерпретация тезиса о необходимости отрицания априорного характера Первой Философии (У. Куайн), в рамках которой ряд традиционных противоречий, например аналитическое – синтетическое, теоретические объекты – объекты, выраженные в языке наблюдения, или обоснование дедуктивных – амплиативных правил вывода, считаются снятыми.

т. е. рационалистическая стратегия обоснования также является кругом относительно правил (см.: [Devitt, 2005. P. 110–111]). Очевидно, показать, что сам по себе круг относительно правил, который используется в рационалистической стратегии обоснования правил вывода, чем-то лучше, чем круг, который используется в эмпирической, будет довольно сложно, поэтому снова имеет смысл говорить о характере обоснования всей совокупности правил вывода, включающей и дедуктивные и амплиативные правила вывода. Учитывая холистический характер обоснования знания в целом, говорить, что дедуктивная часть совокупности правил вывода обладает привилегированным положением, можно только, если мы допускаям дихотомию рациональное – эмпирическое обоснование. В рамках натуралистического поворота мы не можем говорить о необходимости рационального априорного обоснования логики на том основании, что используем логические правила для построения любой аргументации. Как следствие, в частности, в рамках натуралистического поворота мы должны отказаться от самой идеи априорного знания.

Какова природа априорного знания? В общем случае, будем говорить, что априорное знание не выводится из опыта и не обосновано эмпирически, т. е. нам нужно описать процесс обоснования убеждения, который отличается от эмпирического, а также привести соображения о том, как этот процесс и само априорное убеждение связаны с миром. В рамках философии в целом – это серьезная проблема, но в рамках натуралистического поворота и развития тезиса о необходимости отрицания априорного характера Первой Философии (У. Куайн), – априорного знания не существует, в том смысле, что эпистемологический статус его обоснования низок и мы абдуктивно заключаем, что эмпирический способ обоснования знания является наилучшим. По крайней мере, мы представляем себе, в чем суть эмпирического метода получения знания и в чем суть эмпирического обоснования. В частности, у нас есть некоторое интуитивное понимание общей идеи того, что значит «получать знание на основании опыта» (Ч. Пирс, У. Селларс, Я. Хинтикка и др.). Говоря о натуралистической перспективе, этот процесс начинается с онтологического допущения, что объективный факт *P*

может сделать истинным убеждение, что *P*. Это убеждение будет обосновано, если оно будет надлежащим образом теоретически осмыслено достаточно адекватно предполагаемому факту *P*. Процесс теоретического осмысления может быть достаточно сложным, однако, в данном случае, теоретические схемы или деятельность сознания являются не в меньшей степени инструментами эмпирического обоснования убеждения, чем, например, показания термометра. В рамках релятивистской трактовки натуралистической перспективы, разведение основания натурализации – основного для данной натурализованной концепции способа получения истинных убеждений – и эпистемологического тезиса – эпистемологической части доктрины, интерпретирующей в конкретных условиях содержание «натурализации», – служит гарантией того, что истинное убеждение будет в достаточной степени обосновано и в достаточной степени приближено предполагаемому факту *P*.

Список литературы

Головко Н. В. Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. I. Скептический аргумент // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2007а. Т. 5, вып. 1. С. 8–13.

Головко Н. В. Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. II. Недоопределенность и (мета)индукция // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2007б. Т. 5, вып. 2. С. 9–16.

Головко Н. В. Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. V. Конструктивизм // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2009. Т. 7, вып. 3. С. 3–10.

Головко Н. В. Натуралистический поворот: первичность метафизики // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2010. Т. 8, вып. 4. С. 33–38.

BonJour L. In Defense of Pure Reason: A Rationalist Account of A Priori Justification. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.

Braithwaite R. Scientific Explanation. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1953.

Chisholm R. Theory of Knowledge. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966.

Devitt M. Realism and Truth. Princeton: Princeton Univ. Press, 1997.

Devitt M. Naturalism and the A Priori // Philosophical Studies. 1998. Vol. 92. P. 45–65.

Devitt M. There is No A Priori: Contemporary Debates in Epistemology / Eds. E. Sosa, M. Steup. Cambridge, Mass.: Blackwell Publishers, 2005. P. 105–115.

Feldman R. Reliability and Justification // Monist. 1985. Vol. 68. P. 159–174.

Goldman A. What is Justified Belief? / Liaisons: Philosophy Meets the Cognitive and

Social Sciences / Ed. by A. Goldman. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1992. P. 105–126.

Kitcher P. The Naturalists Return // Philosophical Review. 1992. Vol. 101. P. 53–114.

Rey G. A Naturalistic A Priori // Philosophical Studies. 1998. Vol. 92. P. 25–43.

Материал поступил в редколлегию 10.03.2011

N. V. Golovko

NATURALIZATION, RELIABILISM AND A PRIORI

The paper aims to illustrate the connection between the reliabilist interpretation of the naturalistic turn and the tenet of rejecting the apriority of the First Philosophy (W. Quine). The central problem is an epistemic status of the key elements of the given naturalistic theory, such as the basis of naturalization and logic. G. Rey's reliabilism is taken as the initial point towards the critique of the a priori interpretation of the basis of naturalization and logic.

Keywords: naturalistic turn, reliabilism, a priori, M. Devitt, G. Rey, W. Quine.